

Автор представлен членом Художественного совета **Ларисой Морозовой-Цырлиной**

Слушаем птиц и ветер...

Слушаем птиц и ветер,
сбежав от дел.
Скрипы стволов. В заводи тихий всплеск.
В этот последний, быть может,
погожий день
лес не спешит скидывать кроны с плеч,
словно календари ему нипочем -
лишь, наклоняясь к струям живой воды,
яблоня дикая
молится над ручьем,
в быструю гладь сбрасывая плоды.
Падают яблоки в небо,
где напрямик,
сизую стужу взрезая, не глядя вниз,
тоненький след волочит истребитель МиГ,
точно паук из себя извергает нить.
В нем прозябает мужественный пилот,
в звании младшего ангела принят в сонм.
И невдомек ему,
что он плывет как плод
яблони дикой в малом ручье лесном.
Запад уже погас - но еще не весь,
Искры небес тлеют на ветерке.
Яркая тьма укрывает нас.
И невесть
чем отразимся в млечной её реке.
Обремененная звездами, с высоты
ночь, словно крону, клонит свое чело
к миру, который создан для красоты.
И, вероятно, больше ни для чего.

Легче воздуха

Самою горькою желчью не исцелим,
жгучее нечто закусывая васаби,
в баре «Гондола»
отеля «Граф Цеппелин»
я между жизнью - и как её? -
зависаю.

Так и лечу, воспаряя на всех парах.
с битого днища земной отрясая прах.

Это нормально. Что сеял, то пожинаю -
то есть, с окурков павшую пыль золы.
Но - создаю дирижабли, где пожелаю.
В сущности, это громадные пузыри -
дутые бредни, вымыслы.

Род аферы.

Тени их зыбки, как шансы слепых котят.

Так Монгольфье выдумывали монгольфьеры
из ничего.

Но выдумки их - летят.

Душно во времени.

Тянешь вдох как желе из
чьих-то прокисших выдыхов.

Выход - быть

воздуха легче,

который все тяжелеет,

так уплотняясь, что впору его долбить.

Это же так легко - уходить на поиск
ясности в небо, как некоторые смогли,
где - легче воздуха - Нобиле ищет Полюс,
путь отмечая грядой ледяных могил.

Стоит поверить, что высота - опора.

Прах лишь мой падает - лада моя, лови!

Но ты уже высоко не поднимешь взора,
и я уже не вспомню твоей любви.

Тросы надежд и смыслов -

не удержали,

пусть их обрывки спят далеко внизу.

Пусть поднимаются поздние дирижабли
сквозь кучевые ворохи, сквозь грозу.

Легче воздуха путь мой.
Аэростаты -
плод легкомыслия и потому легки.
Но не без зависти
тяжести арестанты
снизу глядят, выкатив кадыки.

Иерусалим

В коленах улиц Иерусалима,
где в лабиринте одного базара
сошлись все веры мира, все эпохи,
все языки Земли -
искал и я
беспорных истин, очевидных смыслов
стезей прямых, ступеней восходящих,
ведущих из Геенны на Голгофу.

Но шумный торг сбивал меня с пути.
И символы бесчисленных религий,
болтаясь на гайтанах и цепях
подобно гроздьям рыночной лозы,
мне застилала взгляд сусальным блеском.

Семинарист армянский объяснил,
что нужно мимо... и тотчас отвлёкся,
поскольку замарал подошву кровью -
арабы здесь зарезали барана,
харчевня их обильно источала
тьму ароматов — специй смачный чад
мешался с духом конопли паленой.

И сам, полдневным зноем опален,
за столиком под римскою колонной
я помянул десятый легион
водой со льдом, но только под уклон
пустилось солнце, отступать не склонный,
продолжил путь -
сокрывший взгляд нахала
в потемках линз, любуясь на ходу
цветеньем юных дочерей Цахала,

несущих автоматы грациозно
над пеплом вечно тлеющей вражды.
И заплутал опять.

Роня пейсы
из-под полей весьма лощеной шляпы,
хасид мне указал налево там,
где протестантский чернокожий пастор
какого-то неведомого толка
указывал направо.

Наконец,
я сдался - и на иродовы плиты
устало опустился. В их щербинах
и трещинах как бы сквозили знаки
невероятно древнего письма
и складывались в слово «безнадёжность»,
которое я не прочел, но понял.
Пустынный купол неба остывал.
Предо мной простёрся Божий город.
К его стопам ползли ряды могил
в надежде тщетной. И тогда я вспомнил
о тех кого любил и трижды предал,
пока петух зари не возгласил.

Должно быть, в круговерти мира есть
пути, что различимы лишь сквозь слёзы,
которые уводят нас туда,
где нам дано прощенье — как свобода
от упований, от самих себя,
куда побрёл я, больше не гадая
о чем евреи плачут у Стены,
зачем пытаются камень безответный.

Пастораль

Пасутся танков тучные стада
в долине, изобильной муравою.
И зоркий беспилотник иногда
черкнет над ними линией кривою.
А выше приземленная строфа
не достягает – с гулом еле слышным
там воспаряют горние ПАК ФА
и спутники беседуют с Всевышним.
Не мельтеша досужею толпой,
лежат поля. И дремлет снайпер даже,
пока в блиндаж неспешною стопой
не побредет пейзажник в камуфляже -
но вдруг падёт, как будто сон сморил.
Валькирии слетают, легкокрылы.
Певец, чей гений столь же легкокрыл,
на тризне расчехляет гаджет лиры.
Дисплей встревожит нежною рукой -
и метроном затикает, как мина.
Он воспоеет не битву, но покой,
неколебимость и неподвижность мира.
Естественно, мутируют стада.
Свистят порой то пуля, то осколок.
Но зла кругом не больше, чем всегда,
со времени классических буколик.
Все так же прозябают, чуть дрожа,
трава и твари, и листва и ветки.
И никуда не двинулась душа,
хотя и трепетала в человеке.
Покой царит. В клепсидре каплет кровь
размеренно, дробя века в моменты.
Но время монолитно – и голов
отрезанных не больше и не меньше.
Протяжна песнь в немолчной тишине,
длинна, как нескончаемая пряжа.
И ты, дурак, поющий на холме,
бессмертен тоже - как деталь пейзажа.

Полёт вороны над Окой

Река, Ока, широка — эти рифмы истоптаны, как
снег у моста. Спазмом своим строка
их отторгает. Просто скажу о том,
что над мостом
летает
птица. Издалека
кажется, что это только
битый пиксель дня,
нервно пульсирующий от восторга
собственной лёгкости в мониторе окна.

Кто она? -
явно не из парящих
и перелётных, тощая, испитая -
слишком хлопочет крыльями, слишком прячет
вектор полёта, шарахаясь и петляя,
цель свою сияясь в фокусе сохранить.

Вся затрепещет —
и кажется, что она
вроде и взмыть непрочь, но как будто нить
к лапке её озябшей прикреплена.

Штрих этот вдруг растворяется небосклоном,
а приглядишься вновь и увидишь — вон он,
в тщетной попытке кануть в пустую даль.
Это ворона,
суть — измельчавший ворон,
дщерь вещунов, потерявших свой тёмный дар.

Что с незаоблачной видится высоты?
Плоскости, линии. Льды, полыньи, мосты.
Схема, лишённая глубины, основа
фона для расположения крох съестного.
И траектория ломкая объяснима
связью между полётом и коркой хлеба -
именовать судьбой эту связь нелепо.

Вдруг заплутавший вихрь пролетает мимо,
даже бескрылое поднимая в небо.
Крутятся лопасти смерчей его жестоких,

всё что во льды не вмёрзло,
что не пришито
на смерть к пейзажу - на вихревых потоках,
рвётся на юг, где вдоволь тепла и жита.

А надо льдом Оки исчезает мост,
собственно, и река исчезает тоже,
лишь завихренья, извилистые как мозг,
враз ниспадают завесой сплошной пороши.
Всё пропадает из виду.
Но ввиду
сумерек – это с порядком вещей в ладу.

Всё исчезает, но продолжает сниться,
стало быть, так написано на роду -
всё исчезает, кроме незримой нити
и кома перьев, остывающего во льду.